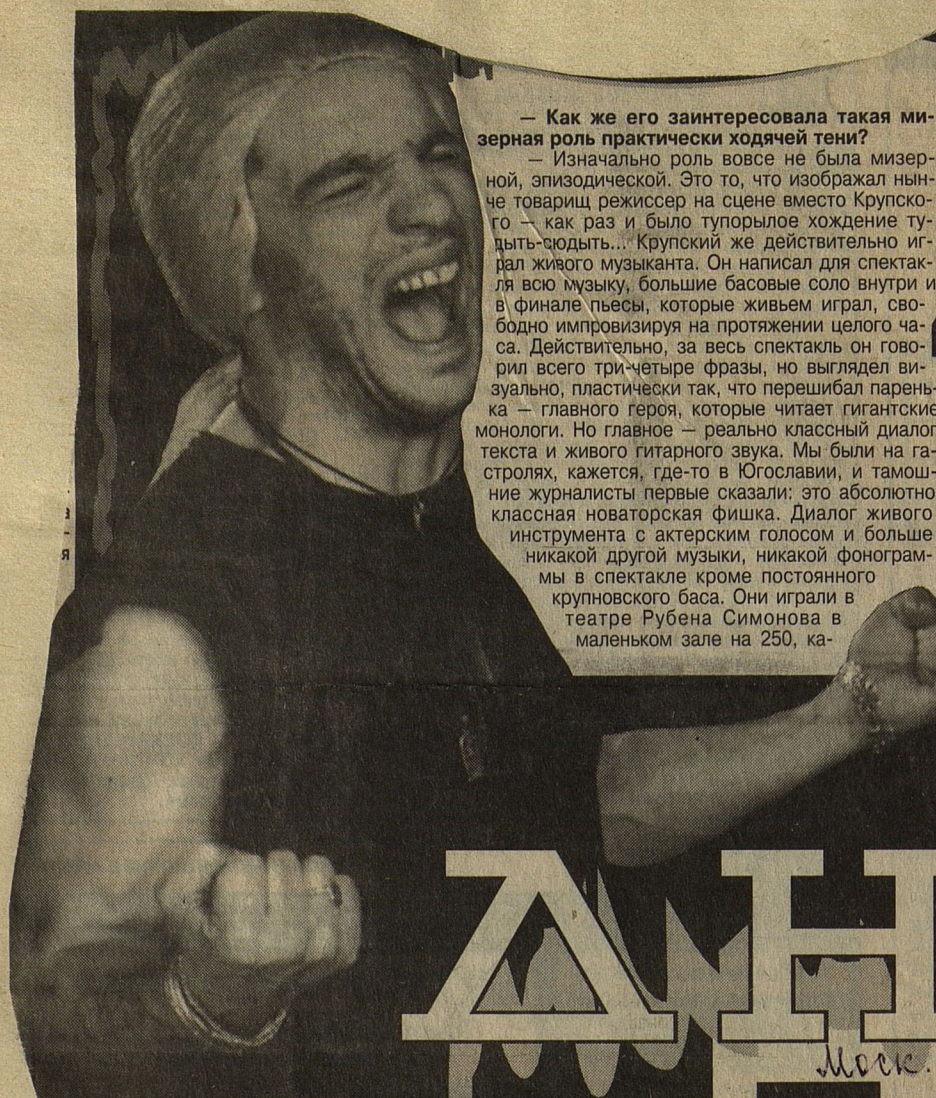

04.03.98

Крупнов Анатолий

— Как же его заинтересовала такая мизерная роль практически ходячей тени?

— Изначально роль вовсе не была мизерной, эпизодической. Это то, что изображал нынче товарищ режиссер на сцене вместо Крупского — как раз и было тупорылое хождение туды-суды... Крупский же действительно играл живого музыканта. Он написал для спектакля всю музыку, большие басовые соло внутри и в финале пьесы, которые живьем играл, свободно импровизируя на протяжении целого часа. Действительно, за весь спектакль он говорил всего три-четыре фразы, но выглядел визуально, пластически так, что перешибал паренка — главного героя, которые читает гигантские монологи. Но главное — реально классный диалог текста и живого гитарного звука. Мы были на гастролях, кажется, где-то в Югославии, и тамошние журналисты первые сказали: это абсолютно классная новаторская фишка. Диалог живого инструмента с актерским голосом и больше никакой другой музыки, никакой фонограммы в спектакле кроме постоянного крупновского баса. Они играли в театре Рубена Симонова в маленьком зале на 250, ка-

жется, мест. Играли пару раз в неделю, где-то около года. И несколько выездов на гастроль было. Спектакль вызывал нормальный интерес, но больше у тех, кто прикалывается к музыке, нежели у театралов.

— А как Толик вообще во все это влез-то?

— Ну как, режиссер Серега — такой нормальный пьющий парень, веселый. Они с Крупским где-то периодически выпивали, и вот Зуев это придумал. Во-первых, Патрик Зюскинд — очень интересный автор, и какая-то девушка сделала специальный замечательный перевод этой пьесы. В ней в общем-то о судьбе музыканта, но, конечно, не рокера, контрабасиста в оркестре, маленького винтика в чем-то огромном. Автобиографичности для Крупнова в этой пьесе, конечно, никакой, но его очень прикалывали "телеги"-монологи, связанные с классиками, с отношением к гениям — очень занимательная фактура для музыканта. И режиссер очень хорошо знал, как Крупский здорово сможет делать эти импровизации на гитаре. Потом подобрали этого парня, который говорит основной текст (роль главного героя — контрабасиста-винтика), и у них завязалась очень хорошая история. А когда они решили сделать спектакль без Крупнова, я сразу сказала: "Никому ничего не запрещаю, но, пожалуйста, без меня. Ни на пресс-конференции, ни на спектакле я не появлюсь". Я как чувствовала, они ведь нас обманули. Понавешали лапшу, что скомпилируют фанеру из всех записанных ранее кусков этих гитарных соло (ведь на спе-

личные причины были тоже. С режиссером он разругался. Понимаешь, до такой степени некоммерческое мероприятие, ну, год можно потерпеть. Оно приносило доход с театральной точки зрения, для музыканта такие деньги — крошки. Мы выезжали со спектаклем на гастроль в компании еще нескольких театров: условия, в которых они находились, и те деньги, что получали, — для Крупского была какая-то другая реальность. Но он ни звука не произносил, потому что рядом были артисты, хорошие, уважаемые, для которых такая жизнь в порядке вещей: жизнь чуть ли не в помоешних гостиницах, таскание на своем горбу декораций. Только когда получаешь большой кайф от того, что делаешь, — это можно терпеть, позволять, и не думать о деньгах. Но этот кайф для Крупнова скоро закончился.

В день смерти мы вообще не собирались делать никаких акций, на этом настоял режиссер. Который по большому счету не имел на это права, тем более обманув его близких. Так что это его позор, а не наш.

— Скажи, ты смотришь, слушаешь все эти антинаркотические программы, рекламы на радио, ТВ? Вот давеча и "Агата Кристи" призналась... Тебе не кажется, что это модная волна, выигрышная "фишка" наркоразоблачений так активизировалась и поднялась после истории с Крупским, его смерть взяли за точку отсчета?..

— Может быть. А может, люди просто дозрели. Я ни с кем не впрягаюсь в дискуссии, но все равно тем, кто гонит "телеги" о том, что Крупский умер от наркотиков, я всегда смогу многое противопоставить. Но то, что он первый стал со спокойным выражением лица о наркотиках говорить — многие сейчас взяли на вооружение и стали делать нечто подобное.

ДНИ БАСИСТА

Моск. комсомолец. — 1998. — 4 марта. — с. 8

Н а самом деле уик-энд был наполнен зрелищами не только развлекательными, но и скорбно-печальными. 27 февраля ровно год, как не стало Толика Крупнова, лидера "Черного обедиска", музыканта, актера, "глыбистого", сильного парня, кумира многих подростков. Его скоростная смерть в 32 года от сердечного приступа стала, можно сказать, отправной точкой для кое-кого: записав Крупнова в "последнюю жертву героина в России", раздув вокруг его имени ореол "русского Кобейна", отечественной рок-стар, погибшей от наркотиков, масс-медиа начали агрессивный, якобы антинаркотический пропагандистский прессинг, но со стремлением, кажется, не достигнуть светлой цели — убедить подростка в смертоносности первой дозы, а со стремлением поскорее занять выигрышную нишу, создать себе крутой имидж и поднять своему каналу (радиостанции) рейтинг благодаря жесткой теме. Потому даже странно, что годовщина смерти не ознаменовалась какой-нибудь громкой акцией АНТИ-толка, затеянной группой рьяно-деловых теле-радиоперсонажей. И не было даже никакого поминального рок-н-рольного сейшна. И никакой "близкий друг" даже книжку воспоминаний к дате не настроил. Общественно упомянули Толика только показом в Театре киноактера восстановленного спектакля "Контрабас" (с новым названием "Слепи свою маску") по пьесе молодого немецкого писателя Патрика Зюскинда, в котором Крупнов целый год играл роль Музыканта. Я не видела, каюсь, оригинала. Но, посмотрев в субботу поминальный "дубль", очень расстроилась. Крупновскую роль в "восстановленном" варианте сыграл сам режиссер — Сергей Зуев, и выглядела она, если честно, так незначительно, эпизодично и малоубедительно, так блекло (суть роли: некий молчаливый субъект маячит время от времени на заднем плане сцены, поднося главному герою "контрабасисту" то фрак, то блюдо с фруктами, не более того), что вылез сам собой вопрос: зачем же в такой серости было играть-то собственно такому яркому персонажу, как Толик? И еще парочка вопросов стала сильно свербить, потому я вновь позвонила жене Толика Алине, единственному человеку, который знает всю правду о Крупнове, потому как никогда не расставалась с ним больше, чем на пару часов.

кталях часто писало телевидение, радио), что сумеют собрать и восстановить его звук — и тогда главный герой будет говорить по принципу диалога с живым басом, как это и выглядело при Крупском. Но они не стали ничего восстанавливать. А какой тогда в этом был смысл? Понятно какой, у режиссера Зуева это единственная успешная постановка, ему захотелось ну хоть подо что-то, хоть под дату громкую, под имя крупновское еще раз засветиться и выпендриться.

— А вообще для Толи это был единственный театральный эксперимент?

— Предложений было еще по крайней мере два (в том же театре, и еще в театре Станиславского предлагали очень сложную текстовую пьесу с Джигарханяном и со Стекловым по Александру Кабакову), но поскольку все это нужно было долго репетировать, он просто отказался, ведь постоянные концерты, выезды с группой и т.д. А в "Контрабасе" он прописал себе гитарные партии, а репетиционно особо не выкладывался. С гитарой репетировал дома. По звуку — там была идеальная работа, и, когда Демченко (исполнитель главной роли) не истерил (а он — артист, периодически впадающий на сцене в истерический экстаз), все выглядело просто как идеальный спектакль. Позапрошлым летом Крупский, впрочем, окончательно отказался его играть. Во-первых, счел, что спектакль себя исчерпал. Ну и

Спектакль памяти Крупнова оказался профанацией

Крупский успел отписать на "М-радио" пять программ — официально живых и правильных, потому что никого ничему не учил в них, а с каждым наркоманом или попавшим в историю говорил по телефону отдельно, подробно рассматривал его случай, спокойно и не перебивая. А в нынешних программах люди берут на себя ответственность вещать. Хотя ведь личного опыта они, ведущие, продюсеры, не имеют, и по большому счету, мало что могут сказать на эту тему! Вот во всяких глянцевах журналах тоже поднимается наркотическая тема: но они это делают очень корректно, все строят на западной фактуре, рассказывают трагические истории разных людей, но это не связано с нашей жизненной конкретикой. А когда Вадим Самойлов говорит о себе и о героине — ду-

маю, он очень сильно рискует: вдруг его мама не знает или его ребенок может это услышать? Мне кажется, вытрясать из реальных, живых людей в телевизоре такие признания — это не совсем правильно. Я думаю, проучаствовать в подобном мне никогда не придет в голову никому предложить.

Капа ДЕЛОВАЯ.